17/07/2020

Андрей Рублев: что в нем особенного?

«Писать как Андрей Рублев» — такую инструкцию для русских иконописцев утвердил в 1551 году московский Стоглавый собор. Но как именно писал Андрей Рублев? Что такого уникального было в его стиле? И почему его работы до сих пор считаются непревзойденными шедеврами иконописного искусства? Разобраться в этом нам помогает заведующая кафедрой христианской культуры Библейско-богословского института святого апостола Андрея и преподаватель Коломенской духовной семинарии Ирина Языкова.

Как ни парадоксально, но известно о преподобном Андрее Рублеве очень мало. Он считался автором так называемого «Звенигородского чина» — трех образов деисисного ряда в иконостасе звенигородского Успенского собора на Городке, но недавно факт принадлежности этих работ ему был поставлен под сомнение. Известно, что Рублев участвовал в росписи иконостаса Благовещенского собора в Кремле, но после грандиозного пожара большинство икон было утрачено, и принадлежит ли что-либо из сохранившегося Рублеву — вопрос, на который нет ответа…
Единственное, что Рублев написал несомненно, — это знаменитая «Троица».
Как тогда можно говорить об особом «стиле Андрея Рублева»?
Говорить о стиле Рублева действительно очень трудно. Но тут нужно иметь в виду один нюанс.

Иконописное искусство — принципиально анонимное, авторы почти никогда не ставят на иконах свои имена. И, тем не менее, имя Андрея Рублева — запомнилось. Оно фигурирует в летописях, его работы ценил и собирал основатель Волоколамского монастыря преподобный Иосиф Волоцкий. Значит, слава Рублева была велика, современники отмечали его, видели, что он не копиист, не подражатель византийских мастеров.
Андрей Рублев был не только художником, он был богословом, и современники это ценили.

В эпоху, когда жил преподобный Андрей (а это конец XIV— начало XV века), не было ничего зазорного в том, чтобы копировать иконы чужого письма. Иконописцы часто делали списки с других икон — интерпретации исходного образца, часто довольно вольные, но обязательно связанные с оригиналом.
А у Рублева мы находим нечто совсем другое. Богословскую новизну, богословскую смелость.
Круг художественных памятников, так или иначе связанных с Андреем Рублевым, очень отличается от всего остального искусства той эпохи. Так, как написал «Троицу» Рублев, ее не писали прежде никогда. Иконописцы традиционно обращались к сюжету «Гостеприимства Авраама»: изображали, помимо трех Ангелов, Авраама и Сарру, накрытый стол, заколотого тельца и т.д.
Время создания – XVI век, место хранения – Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Сюжет иконы опирается на повествование Книги Бытия о посещении дома Авраама и его жены Сарры Господом в образе трех мужей. Авраам угостил посетителей, приказав Сарре приготовить опресноки, а слуге – заколоть тельца, и получил от Господа обетование, что у него родится сын, в котором благословятся все народы (Быт 18:1-19).
Рублев же создал икону, сосредоточенную не на бытовых деталях, а на богословии. Три Ангела — образ Предвечного Совета Лиц Святой Троицы, на котором решается участь человека. И чаша — образ святой Евхаристии…
Кроме того, «Троица» Рублева — явление поразительной гармонии и красоты. Бог является здесь в красоте и гармонии. Красота — одно из имен Божиих. И в этом тоже есть глубокое богословие.
Где еще мы находим «почерк» Рублева?
Весьма вероятно, что Рублеву принадлежит часть росписей в Успенском соборе Владимира — фрески с изображением Страшного Суда. И в этих фресках мы тоже видим глубокое богословское осмысление, свойственное Рублеву.
В его Страшном Суде нет ничего страшного, пугающего! Главное во всей этой

композиции — явление Христа. Христос грядет, а Церковь Его встречает — вот ключевой смысл всей этой масштабной работы. Дух, которым она пронизана, удивительно мирный. Ангелы мирно беседуют с апостолами; апостол Павел ведет праведников в рай, размахивая хартией с надписью «Грядете со мною», как бы зазывая всех за собой. Апокалиптические картины умещаются в одном-единственном круге: здесь Андрей Рублев изобразил четырех животных из видения пророка Даниила, символизирующих четыре царства последних времен. Весьма характерно, что царство антихриста он представил в виде гиены, противной собачки, скорее мерзкой, чем страшной, место которой где-нибудь в углу.

А как же «Спас» из «Звенигородского чина»?

Мое мнение — этот образ тоже принадлежит Рублеву. Это такая выдающаяся работа, что ее обязательно должны были связать с кем-нибудь из мастеров. Если бы появился другой иконописец такого высокого уровня, его имя обязательно должно было бы выйти наружу. Князь Юрий Звенигородский, при котором проводилась роспись Успенского собора, не преминул бы похвастаться, если бы у него работал такой талантливый художник.

Но никаких других имен, кроме Андрея Рублева, в исторической литературе не звучит.

В лике Спаса Звенигородского нет и намека на ту удручающую суровость, которую мы часто замечаем в образах Спасителя. Этот лик одновременно и строгий, и ласковый. Необычны и боковые иконы: апостол Павел, иконописный образ которого обычно довольно строгий, здесь склоняется перед величием Господа, подносит Священное Писание словно бы к трону царя. И Архангел Михаил, которого Откровение Иоанна Богослова рисует в виде воина, возглавляющего битву с воинством сатаны, — здесь он вовсе не воинственный, а милостивый.

Не секрет, что Андрей Рублев входил в плеяду учеников преподобного Сергия Радонежского, который был связан с исихастской традицией. А в русском исихазме вообще особый акцент на милости Божией.

Иногда можно услышать, что будто бы Андрей Рублев просто перенял поздневизантийский стиль писания икон, который мог прийти на Русь через юго-западные границы. Но, всерьез изучая работы Рублева, мы приходим к однозначному выводу: даже если какое-то византийское влияние и было, он переработал, «переплавил» его до неузнаваемости в свою самобытную манеру.

foma.ru